

здоровымъ надо жалѣть больныхъ и помогать имъ съ тѣмъ, чтобы, когда они будутъ больны, здоровые помогли-бы имъ". И въ этотъ разъ оказалось, что и при помощи болѣзней жизнь людей не только не исправилась, болѣзни не только не соединили людей, а „еще болѣе раздѣлили ихъ". Тогда Богъ сказалъ себѣ: „если этимъ средствомъ нельзя довести людей до того, чтобы они понимали, въ чемъ ихъ счастье, то пускай они сами доходятъ своими мученіями. И Богъ оставилъ людей однихъ". „Оставшись одни, люди долго жили, не понимая того, что имъ можно и должно быть счастливыми. И только въ самое послѣднее время (не съ тѣхъ ли поръ, какъ графъ Толстой выступилъ съ своею проповѣдью (№) стали нѣкоторые изъ нихъ понимать, что трудъ не долженъ быть пугаломъ для однихъ и принудительною каторгою для другихъ, а долженъ быть общимъ радостнымъ дѣломъ, соединяющимъ всѣхъ людей. Стали понимать, что, въ виду ежечасно угрожающей каждому смерти, единственно разумное дѣло всякаго человѣка—въ томъ, чтобы въ согласіи и любви радостно (?) провести предназначенные каждому годы, мѣсяцы, часы, и минуты. Стали понимать, что болѣзни не только не должны быть причиною раздѣленія, а должны быть причиною любовнаго (?) общенія между собою".

Вотъ почти дословный пересказъ легенды—„Трудъ, смерть и болѣзнь". Что же хотѣлъ сказать этимъ Толстой, и подумалъ ли онъ о томъ, что пишетъ? Сначала люди были созданы такъ, что имъ не о чемъ было заботиться, они не нуждались ни въ жилищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ, и тѣмъ не менѣе „вмѣсто того, чтобы радоваться" на такую беззаботную жизнь, люди „заботясь каждый о себѣ",—какъ говорится въ легендѣ,—„перессорились между собою и устроили такую жизнь, что не только не радуются, но клянутъ ее". О чемъ же люди заботились „каждый о себѣ", если заботиться имъ было не о чемъ, не надо было заботиться ни о жилищѣ, ни объ одеждѣ, ни о пищѣ; о смерти же,—которая наступала для каждого, когда онъ достигалъ ста лѣтъ,—объ избавленіи отъ смерти заботиться было невозможно, потому что смерть наступала въ опредѣленный срокъ непрекаемо и никакія заботы и усилія людей предотвратить смерти не могли. И послѣ того, какъ люди, не имѣя никакихъ заботъ, все таки нашли возможнымъ о чемъ то заботиться, при чемъ каждый заботился лишь о самомъ себѣ,—какъ послѣ этого можно было подумать, что людей можетъ соединить трудъ для избавленія отъ холода и голода?! И холодъ и голодъ ощущалъ каждый въ себѣ, въ отдѣльности; ощущавшій это могъ и не знать, ощущаютъ-ли тоже и другіе, и только современемъ при умственной зрѣлости, по наведенію, онъ могъ догадаться, что и другіе ощущаютъ также и холодъ и голодъ. Забота же объ избавленіи себя отъ холода и голода, забота о жилищѣ, объ одеждѣ и пищѣ *для себя*,—какъ такая забота,—забота именно cadaго о себѣ,—могла объединить людей?! Когда же людямъ было объявлено, что они будутъ жить не опредѣленное заранѣе время,—какъ это было прежде,—а каждый всякую минуту можетъ умереть, при чемъ никому неизвѣстно, кто когда умретъ, это навело людей на мысль, что они могутъ убивать другъ друга, и сильнымъ дало возможность покорить себѣ слабыхъ